

УДК 82+821.161.1

**М.Ю. ЛЕРМОНТОВ И ЕГО «МАРГИНАЛЬНЫЕ»
ИНТЕРПРЕТАЦИИ: КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.**

Мехтиев В.Г.

В статье рассматриваются критические работы о М.Ю. Лермонтове, написанные на границе литературоведения, философии и публицистики. Эти публикации не принадлежат к «академическому» направлению в лермонтоведении, на них лежит печать некоторого «провинциализма». Освещается вопрос о возможных причинах того, почему эти публикации большей частью остались совсем незамеченными составителями библиографии о Лермонтове. Кроме того, осмысливается значимость «периферийных» публикаций для понимания творческого наследия русского поэта и писателя.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, Демон, маргинальная критика, публицистика, периферия, интерпретация.

**MIKHAIL LERMONTOV AND HIS “MARGINAL” INTERPRETATIONS:
LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES**

Mekhtiev V.G.

The article examines the literary criticism about Mikhail Lermontov. These critical works are written on the border of literary criticism, philosophy and journalism. These critical articles do not belong to the “academic” direction; this criticism can be called provincial. The question of possible reasons why these publications mostly went completely unnoticed by the compilers of the bibliography about Lermontov is highlighted. Furthermore, the importance of “peripheral” publications for understanding the creative heritage of the Russian poet and writer is processed.

Keywords: Mikhail Lermontov, Demon, marginal criticism, journalism, periphery, interpretation.

Известен феномен, который можно назвать «провинциальным» или «периферийным» литературоведением (критикой). Далекие от «магистрального пути» становления и развития культурной мысли, сосредоточенной по стереотипу в «центрах», интеллектуалы в «провинции» до появления глобальной сети Интернета оставались почти неизвестными. Так называемое провинциальное литературоведение, конечно, коррелирует с основными достижениями, выработанными в «культурных центрах», но в то же время способно порождать «концепты», диссонирующие с ними, с какой-то фатальной неизбежностью воспринимаемыми в качестве «авторитетного» знания. «Провинциальный» критик может обладать собственными, пусть иногда и весьма неоднозначными эстетическими «канонами», собственным горизонтом видения литературных явлений. При этом связь с тенденциями, характерными для «больших» литературоведческих школ и направлений, сохраняется, но одновременно эта связь становится подвижной, напоминает движение по кривой линии. На «периферии» литературоведческой мысли она преломляется в виде «отзвуков», преображенных и отдаленных голосов.

Тут мы имеем дело с эффектом, напоминающим героев, описанных А.П. Чеховым в повести «Палата № 6». Автор настойчиво развивает мотив страстной любви Громова и Рагина к чтению. Громов читал «очень много», особо не выбирая место для этого: «Бывало, все сидит в клубе, нервно тербит бородку и перелистывает журналы и книги; и по лицу его видно, что он не читает, а глотает, едва успев разжевать» [9, с. 128]. В провинции с ее лицемерием, «тупостью» и невежеством чтение превращается в «болезненную привычку» и непреодолимую жажду. От пациента палаты № 6 не отличается Рагин. Читал он, как и Громов, «очень много»: «Половина жалованья уходит у него на покупку книг, и из шести комнат его квартиры три завалены книгами и старыми журналами. Больше всего он любит сочинения по истории и философии» [9, с. 139].

Особенно трагично положение Рагина с его пристрастием к чтению книг исторической и философской направленности. Уже отмечено, что герой

находился под влиянием философии пессимизма Шопенгауэра, популярного среди русской интеллигенции последней четверти XIX века. Но известно и то, что «Чехов имел в виду не столько самого Шопенгауэра во всей его философской системе, сколько тот круг интеллигентного обывательства, где ходячие в ту пору «Афоризмы» Шопенгауэра использовались для оправдания моральной лени и бегства от борьбы» [6, с. 382].

Не похоже, что Рагин воспринял философию Шопенгауэра на обывательском уровне, раз уже он стал убежденным ее последователем, принял ее, так сказать, нутром. Герой Чехова – не обыватель, иначе судьба его не имела бы возвышающего его трагического финала. Трагедия Рагина обусловлена нехваткой «воздуха» – интеллектуальной среды, помогающей объективно оценивать знания, почерпнутые из книг: «Правда, у нас есть книги, но это совсем не то, что живая беседа и общение. Если позволите сделать не совсем удачное сравнение, то книги – это ноты, а беседа – пение». Ум, знания приносят подлинное наслаждение, если «люди, склонные к анализу и обобщениям, сходятся вместе и проводят время в обмене гордых, свободных идей». Гордый человек, достойный того, чтобы находиться «в самом центре умственного движения», обречен на провинциальное прозябание и тоску по общению, да так, что ему «часто сняться умные люди и беседы с ними» [9, с. 142].

Чехов показывает трагическую дистанцию, существующую между «центром умственного движения» и провинциальной образованностью; эта дистанция порой рождает такие «уклонения» от всего естественного, «нормы», что их иначе как причудливыми превращениями не назовешь. Отдаленность от «умственного центра», «уклонения» и всякого рода причудливые превращения могут привести к удивительным фактам – в том числе в литературоведении.

Вопрос о статусе литературоведения в «провинциях» – важный, требующий серьезного исследования. Рассмотрим «провинциальные» толкования поэмы Лермонтова «Демон».

В. Соловьев, Д. Мережковский, В. Розанов, А. Белый, А. Блок оставили образцы нетрадиционной (неакадемической) интерпретации лермонтовского

наследия. На периферии также появлялись работы, которые, возможно, представляют мало научного интереса, зато хорошо показывают разрыв между уровнями понимания в рамках одной исторической эпохи. Что еще важнее – неравнозначную рассредоточенность сил культурной интеллигенции, элементарную недоступность (в материальном и интеллектуальном смысле) для «периферийного» интеллектуала более или менее значимых завоеваний, скажем, в открытии художественного мира того же Лермонтова. Так обстоит дело с поэмой «Демон», которая раскрыта в разных смысловых гранях в работах Д. Мережковского, А. Блока и других поэтов-символистов начала XX века. Но как только мы вступаем в область «провинциальной» критики, создается ощущение, что «серебряная» эпоха в истории русской культуры, отмеченная пафосом возрождения во многих видах духовной и эстетической деятельности, имела «центристский» характер. Поэтому кажется интересным взгляд на поэму «Демон» со стороны «периферии». Небезынтересно увидеть логику бытования поэмы «Демон» на границах эстетической мысли, которую впоследствии стали воспринимать или как порождение излишнего академизма (в чем Блок упрекнул Н. Котляревского), или же – предельно субъективного, мифологизированного прочтения произведений писателя.

Начнем с книги В. Тихомирovichа «Демон Лермонтова. Опыт исследования», которая была издана еще в 1885 г. [8]. Об авторе мало что известно, сведения о нем не встречаются ни в списке критических и научных трудов о Лермонтове, ни в «Лермонтовской энциклопедии» (1980) [2]. И это несколько удивляет, учитывая то, что уже в наши дни составители нового «Энциклопедического словаря», посвященного биографии и творчеству Лермонтова [4], о В. Тихомирovichе не вспомнили. Хотя, если судить по рецензиям, авторы этого словаря будто «впервые» представили «основные тенденции в изучении» наследия поэта; необычайно расширили «библиографические списки, преимущественно той части лермонтоведческого наследия, которая прежде не учитывалась» [11]; создали «наиболее полное собрание сведений о жизни и творчестве Лермонтова» и подвергли коренному

пересмотру «этические, эстетические и гносеологические принципы мировоззрения поэта» [5, с. 102].

Что же касается В. Тихомировича, он, вероятно, жил в Одессе, на что указывают выходные данные, сопровождающие его маленький опыт исследования о «Демоне».

В книге В. Тихомировича на самом деле совсем мало наблюдений непосредственно над поэмой Лермонтова, зато основную ее часть занимает переложение «Позитивного курса философии» Конта, «Мира как воли и представления» Шопенгауэра. Эти философы, по мнению автора, являются в новоевропейской культуре авторами двух полярных способов мышления: рационалистического и интуитивного. Демон, как можно понять из рассуждений В. Тихомировича, отражает последнюю фазу «умственной жизни европейского человечества» [8, с. 7]. Это дает основание противопоставлять «большого» поэта Лермонтова «маленьким художникам», создания которых исчерпываются средой, которую они изображают; у Лермонтова же среда – «весь Божий мир, вся эпоха жизни человечества» [8, с. 8].

«Демон» – собственно не объект анализа, а «инструмент», с помощью которого исследуются трансформации сознания в соответствии с «исторической, социальной, этической ситуацией» каждой эпохи. Отмеченные автором перипетии сознания позволяют прийти к обобщающей при свете философии Конта и Шопенгауэра мысли: «Демон морален и антиморален. Он субъективен и объективен вместе. Он пессимист и оптимист вместе. Он «"ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет"» [8, с. 66, 68]. Понятно, что такой «метафорический» язык, хотя и выдает симпатии автора к неопределимости иррационального познания, в художественной природе самой лермонтовской поэмы ничего существенного не раскрывает. Абстрактные формулировки вроде того, что для Лермонтова средой является «весь Божий мир...», отсутствие более или менее предметного анализа стиля, образной системы поэмы тем и примечательны, что с таким же успехом могут быть приложены к другим созданиям поэта.

Главный интерес В. Тихомировича сфокусирован на идее красоты и страдания, понимаемой в духе Шопенгауэра и, по всей видимости, в неизменном виде переживавшей в трактовку лермонтовской концепции образа Демона. «Кто не видел красоты во взоре страдания, тот не видел красоты», – читаем мы ссылку на Шиллера, имеющую продолжение у В. Тихомировича: «Истинная красота – это есть страдание; если прекратятся в мире страдания, не будет красоты» [8, с. 27]. Тезису о принципиальной познаваемости мира (Конт) противопоставлен антитезис: жизнь – тайна, которую ни разумом, ни чувством не постичь (Шопенгауэр).

Контский способ мышления распространяется на сферу прекрасного и абсолютного добра: «Нам хочется созерцать прекрасное и доброе в материальном виде, в виде факта, подлежащего нашим внешним чувствам. Мы никак не можем понять, чтобы красота была достаточным награждением за наши страдания. Мы никак не можем понять, что, так как в мире увеличилось страдание, идея красоты равномерно стала нашим общим достоянием» [8, с. 66]. «Идея красоты как гармония и нравственное чувство, подвергаясь проникновению интеллекта, утрачивает идею конечности и цели. Целенаправленная деятельность человека, вызванная познанием законов бытия (оптимизм Конта), оборачивается сознанием его бесконечности и практической недоступности. Так рождается пессимизм Шопенгауэра» [8, с. 68]. Что же касается остальной части книги, то она целиком посвящена «диалогическому» цитированию основных положений философии Конта и Шопенгауэра.

Во всем этом трудно угадывается сугубо эстетическая оценка поэмы «Демон». В. Тихомирович и не ставил перед собою такую задачу, используя лермонтовское произведение в качестве отправной точки для анализа внеэстетических явлений. Но сам факт необычайного философского расширения смыслового диапазона «Демона», «универсализация» смысла поэмы заслуживает внимания и, по всей вероятности, ждет дальнейшего углубления. Это тем более важно, что сам В. Тихомирович в увлечении положениями Конта и Шопенгауэра попросту забыл о «Демоне».

В 1914 г. в Киеве вышла книга Л.А. Соколова «Побежденный Демон» [7], посвященная столетию со дня рождения Лермонтова. Л.А. Соколов – выпускник Московской духовной академии, преподаватель Киевской женской гимназии – фигура известная. Ему принадлежит ряд работ духовного содержания. Кроме того, он проявлял неподдельный интерес к личности и творчеству Лермонтова. Этот факт хорошо известен лермонтоведам.

В книге «Побежденный Демон» дается православная трактовка образа Демона, цель которой в том, чтобы показать: Демон и демонизм изначально лишены конструктивного начала; всякая попытка бунта против Бога заканчивается «повержением» демонического героя. Вот об этом и рассказывает, по мнению Л.А. Соколова, Лермонтов в своей поэме.

Автор обращается к духовному опыту христианских подвижников, и в свете этого опыта дает разъяснение демоническому настроению. «Самомнение, гордость, злобность, тщеславие, ненависть, зависть и разрушительное стремление, выражающееся в исключительной склонности к деланию зла, а активное выражение этого настроения в судьбах человеческой жизни имеет своим последствием нескончаемую, непрерывную борьбу добра и зла, смирения и гордости, братства и рабства, свободы и угнетения, справедливости и насилия, словом – света и тьмы – в субъективном мире духа человеческого и – в мире объективном царстве человеческих и внешней жизни человека» [7, с. 11].

Применив «православный ключ» к разгадке произведения, Л.А. Соколов обобщает свои наблюдения в связи с концепцией образа Демона. Герой должен был остаться одиноким и «побежденным и отверженным за недоступностью для него подлинного упования и самоотверженной, не эгоистической любви» [7, с. 43]. Против такого определения образа Демона, основанного на религиозном понимании, действительно нечего возразить. Но отвлеченная и внеэстетическая трактовка, на чем бы она ни базировалась, недостаточна для постижения индивидуального смысла произведения. Ведь цель понимания не в том, чтобы свести смысл к общим понятиям. Художник, особенно

романтической школы, исходя от общих для его школы идей, образов, достигает высокой степени их индивидуализации, что позволяет говорить о художественной диалектике вот этого конкретного произведения. Л.А. Соколов, увлеченный догматической точкой зрения на поэму, как раз упускает из виду множество «сцеплений», «сопряжений», исключающих возможность абстрактного толкования образа Демона. Поэтому и приходится констатировать мысль общую, затверженную нами еще со школьной скамьи: «Демон, выведенный в поэме Лермонтова, не столько объективный дух злобы, падший ангел, ищущий примирения с небом, сколько символ демонических настроений человеческого духа» [7, с. 39].

Л.А. Соколов – замечательный знаток поэзии Лермонтова, ему также хорошо известно почти все написанное о поэте. Отсюда его полемический «антитезис» по поводу отсутствия у Лермонтова «мятежно-хаотического настроения» [7, с. 40]. Он таким образом возражал С.В. Шувалову, утверждавшему, что «Лермонтов не допускал хаотичности и случайности явлений в мире и человеке» [10, с. 159]. Человеческая сущность Демона, по Л. Соколову, далека от идеала христианской любви, хотя он тяготеет к добру и возрождению. А это означает, что Лермонтов, помня о христианском человеколюбии, не мог сказать о нем: «... в одну любовь мы все сольемся вскоре, / в одну широкою, как море, / что не вместят земные берега» [7, с. 39].

Еще отметим серьезную работу С.И. Родзевича «К вопросу о влиянии Байрона и А. де-Виньи на Лермонтова» [6], напечатанную в 1915 г. В ней просматривается сильное влияние книги Нестора Котляревского «Лермонтов. Личность поэта и его произведения» [3], которую А. Блок, как известно, назвал чрезмерно «педантичной», академически претенциозной [1].

Следуя за Н. Котляревским, С.И. Родзевич внушает своим читателям мысль о том, что с жизненными впечатлениями Лермонтов «знакомился по произведениям, а сам психологически не был готов к ним»; «мелочи жизни он пригонял и приноравливал к тем сильным и картинно выраженным чувствам, с которыми он встречался в книгах. Отсюда вытекала его склонность

преувеличивать собственные ощущения [6, с. 41]. Природная склонность к «демонической мысли» предопределяла его постоянное чувство одиночества. Но в то же время в духе В. Соловьева утверждается: Лермонтов уединялся потому, что считал «себя выше прочих, которые "не поймут его", он "для мира и небес чужой", и с этой стороны, конечно, это личный мотив» [6, с. 47].

Работа И.С. Родзевича содержит ссылки на исследования о Лермонтове, автор широко пользуется суждениями и западноевропейских писателей, что придает его наблюдениям объемность и убедительность. Кроме того, довольно распространен в работах о Лермонтове сам способ выявления внутренних переключек между «Демоном» и творчеством Гете, Мура, Байрона, А. де-Виньи. Автор соглашается с Н.П. Дашкевичем в том, что «Демон» является «творческим сплавом мотивов, оставшихся в воображении» Лермонтова «от произведенных целым рядом произведений, с которыми ознакомился поэт» [6, с. 48]. А вот в чем этот заявленный «творческий сплав» проявился у Лермонтова, трудно узнать из труда С.И. Родзевича. Разве только в том, что Демон похож на ангелов Мура, в увлечении красотой земных женщин забывающих о небе [6, с. 48]; в том, что поэт отождествляет, как А. де-Виньи, скуку Сатаны, скуку Демона с переживанием современников [6, с. 54]; или в том, что «встреча Сатаны с Элоа и Демона с Тамарой отзывается на их переживаниях именно в смысле временного просветления» [6, с. 56]. Тем не менее, параллели, проведенные с «чужими» текстами, сыграли значительную роль в установлении общеевропейского литературного контекста лермонтовского «Демона».

Продуктивным, но не нашедшим своего развития ни у С.И. Родзевича, ни у последующих лермонтоведов, было замечание о влиянии на Лермонтова поэмы Виньи «Моисей». Неопределенной осталась оговорка и о том, что «Демон» Лермонтова включает в себе отзвуки чужих «текстов». Подразумевается ли тем самым, что те или иные стилистические, семантические «сдвиги» в образе Демона не в состоянии устранить его «вторичность»? Характер прочтения поэмы, включение ее в широкий

литературный контекст, найденные многочисленные реминисценции из произведений авторов-предшественников не укладываются в обобщающую мысль работы С.И. Родзевича о том, что «Демон» Лермонтова отразил именно «черту эпохи» – «пробуждение в носителе зла желания стать лучшим, желание возродиться, глубоко полюбив. И этой глубины чувства нет, есть лишь мысль, рефлексия. В этом и трагедия» [6, с. 61].

Проблема «писатель и его провинциальные читатели» не исчерпывается рассмотрением поэмы «Демон». Такое исследование можно провести по творчеству каждого крупного художника. С тем, чтобы выявить и исследовать разноуровневые истолкования литературного произведения и объяснить их социальную, историко-культурную причинность. Разность или сходство в подходах к явлениям литературы отражает «социокультурные срезы» и границы, проходящие между ними, а эти границы сами по себе – почва для наблюдений в контексте рецептивной эстетики. Критико-эстетические исследования, замкнутые узкой сферой их потребления, сложно и противоречиво перекликающиеся даже с «авторитетными» «срезами» – перспективная тема не только для науки о литературе, но и в плане социологии.

Список литературы:

1. Блок А. Педант о поэте (Н. Котляревский. М.Ю. Лермонтов. Личность поэта и его произведения) [Электронный ресурс] // Александр Александрович Блок [сайт]. 2020. URL: <https://bit.ly/34gqh4W> (дата обращения: 10.12.2020).
2. Лермонтовская энциклопедия / Ин-т рус. лит. АН СССР (Пушкин. дом), Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энциклопедия»; Гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия, 1981. 784 с.
3. Михаил Юрьевич Лермонтов: Личность поэта и его произведения. Опыт ист.-лит. оценки Н. Котляревского. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1891. 295 с.
4. М.Ю. Лермонтов: энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. Киселева И.А. М.: Индрик, 2014. 940 с.

5. Миллионщикова Т.М. М.Ю. Лермонтов: энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. Киселева И.А. М.: Индрик, 2014. 940 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. 2015. № 4. С. 101-108.

6. Родзевич С.И. К вопросу о влиянии Байрона и А. де-Виньи на Лермонтова // Филологические записки. 1915. Вып. 1. С. 33-62.

7. Соколов Л.А. Побежденный демон: Памяти М.Ю. Лермонтова. К 100-летию со дня рождения поэта. Киев: тип. АО «Петр Барский в Киеве», 1914. 63 с.

8. Тихомирович В. Демон Лермонтова. Опыт исследования. Одесса, б.и. 1885. 69 с.

9. Чехов А.П. Палата № 6 // Чехов А.П. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 7. М.: Худож. лит., 1962. С. 123-181.

10. Шувалов СВ. Религия Лермонтова // Венок М. Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Изд. т-ва «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 135-164.

11. Щербакова М.И. Энциклопедический словарь «М.Ю. Лермонтов» [Электронный ресурс] // Мир энциклопедий [сайт]. 30.10.2018. URL: <http://bit.ly/3gOQqgq> (дата обращения: 10.12.2020).

Сведения об авторе:

Мехтиев Вургун Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия).

Data about the author:

Mekhtiev Vurgun Georgiyevich – Doctor of Philological Sciences, Professor of Literature and Journalism Department of Pedagogical Institute, Pacific National University (Khabarovsk, Russia).

E-mail: mekhtiev@mail.ru.